S 5/113

О ДУХѢ,

ВЪ КОЕМЪ РАЗВИВАЛАСЬ РОССІЙСКАЯ ЛИТТЕРАТУРА СО ВРЕМЕНИ ЛОМОНОСОВА, И ВЛІЯНІИ, КАКОЕ ИМѢЛИ НА СІЕ РАЗВИТІЕ ЛИТТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫЯ.

Сочиненіе

Василія Якимова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

О ДУХѢ,

ВЪ КОЕМЪ РАЗВИВАЛАСЬ РОССІЙСКАЯ ЛИТТЕРАТУРА СО ВРЕМЕНИ ЛОМОНОСОВА, И ВЛІЯНІИ, КАКОЕ ИМѢЛИ НА СІЕ РАЗВИТІЕ ЛИТТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫЯ,

РАЗСУЖДЕНІЕ,

написанное для полученія степени Магистра Словесныхъ Наукъ,

Василіемъ Якимовымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 4 Марта, 1833 г.

Цензоръ Н. Бутырскій.

2007042752

О ДУХѢ,

ВЪ КОЕМЪ РАЗВИВАЛАСЬ РОССІЙСКАЯ ЛИТТЕРАТУРА СО ВРЕМЕНИ ЛОМОНОСОВА, И ВЛІЯНІИ, КАКОЕ ИМѢЛИ НА СІЕ РАЗВИТІЕ ЛИТТЕРАТУРЫ ИНОСТРАННЫЯ.

Способность выражать мысли въ словѣ составляетъ отличительную черту Человѣка отъ прочихъ животныхъ, и существенную принадлежность его духовной природы. Душа не иначе обнаруживаетъ свои силы и дѣйствія, какъ посредствомъ явленій внѣшнихъ; изъ нихъ же самыя ближайшія къ существу простому суть тѣ, кои образуются членораздѣльными звуками. Развиваясь, вмѣстѣ съ развитіемъ въ насъ внутренней жизни, при безконечной игрѣ въ разновидныхъ соединеніяхъ, сіи эѳирные образы составляютъ* живой отпеча-

БИБЛІОТЕКА

**

токъ невидимаго міра. Какъ тѣло наше не движется и не чувствуетъ въ разъединеніи съ духомъ: такъ духъ не является и непостижимъ безъ слова.

Посему, такой или другой родъ слова есть зеркало, въ которомъ ясно отражается извѣстная степень духовнаго развитія. Дитя, въ которомъ только еще разгарается священный огонь безсмертной жизни, выражаетъ свои чувствованія въ звукахъ неопредѣленныхъ, невнятныхъ; юноша, волнуемый избыткомъ силъ, болѣе мечтаетъ, нежели мыслитъ, и ни мыслямъ ни мечтамъ своимъ не умѣетъ давать надлежащей самообразности выраженія; мужъ, искушенный опытомъ, достигшій полнаго владычества надъ собою, владѣетъ совершенно и словомъ; — у него слово и духъ составляютъ прекрасную гармонію.

Но, какъ внутренняя жизнь, развиваясь изъ самой себя, даетъ такое или иное образованіе слову: такъ и міръ видимый, или все то, что̀ входитъ въ душу извнѣ, все, что̀ пріобрѣтаетъ она чрезъ воззрѣ-

ніе внѣ себя, — необходимо отпечатлѣвается въ нашихъ чувствованіяхъ, мысляхъ, и въ самомъ способѣ выраженія оныхъ. Въ твореніяхъ одного Писателя мы встрѣчаемъ смѣющіяся картины, живописныя изображенія, игривую прелесть и роскошь страны цвѣтущей и благословенной: это потому, что духъ его воспитался на лонѣ природы, тамъ, гдѣ она щедрою рукой разсыпаетъ дары свои. Другой воспѣваетъ на лирѣ своей однѣ битвы и сраженія, одни ужасы пустынь и лѣсовъ, одни печальныя явленія страждущей жизни: это опъ того, что его слухъ внималъ одному стону вѣтра и скрыпу деревъ, и онъ воспламенялся душею только при видѣ тысящъ, истребляющихъ себя взаимно въ жару кровопролитія. Въ произведеніяхъ третьяго природа человѣческая является въ самомъ жалкомъ противорѣчіи съ божественною идеей истиннаго изящества: потому, что съ одной стороны — зло, вѣчно враждующее съ благомъ, съ другой — невѣрованіе въ высокое назначеніе Человѣка, ожесточили несчастнаго противу людей — и

для его сердца нѣтъ уже ничего ни добраго, ни прекраснаго въ мірѣ.

Тоже самое мы видимъ въ произведеніяхъ Словесности цѣлыхъ народовъ: ибо жизнь народовъ есть жизнь политическихъ лицъ, проходящихъ всѣ возрасты подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ многоразличныхъ и безчисленныхъ обстоятельствъ. Бо́льшая или ме́ньшая быстрота умственнаго развитія, такое или другое направленіе онаго, тѣ или другія отличительныя черты умственныхъ произведеній, все сіе зависитъ опъ времени и мѣста, все подчинено необходимымъ законамъ вещественнаго и нравственнаго міра.

Мнѣніе, будто природа не во всѣхъ странахъ одинаково раздаетъ таланты и дарованія, принадлежитъ къ самымъ странным заблужденіямъ. Человѣкъ, какъ существо разумное, способное чувствовать, мыслить и желать, — вездѣ человѣкъ: и у вѣчныхъ льдовъ Сѣвернаго Океана, и подъ прекраснымъ небомъ Аѳинъ, и среди песковъ Ливійскихъ — вездѣ онъ, какъ человѣкъ, чувствуетъ, мыслитъ и желаетъ.

Какъ онъ чувствуетъ, мыслитъ и желаетъ: это другой вопросъ. Почему такъ, а не иначе, обнаруживаетъ онъ свои чувствованія, мысли и волю: это еще другой...

Всѣ силы въ природѣ тогда только являются собственно силами, когда онѣ встрѣчаютъ побужденіе къ проявленію своихъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ, не имѣя ни какого повода къ обнаруживанію себя, онѣ покоятся, невидимы. Въ грубой массѣ бездушнаго вещества уже заключена благотворная стихія теплоты и свѣта, но остается мертвою до тѣхъ поръ, пока побуждающее явленіе, такъ сказать, не сдвинетъ ее съ мѣста, и не изторгнетъ изъ неё началъ грѣющихъ и освѣщающихъ. Это же самое представляется въ развитіи силъ и способностей какъ въ частности — каждаго человѣка, такъ и въ общности — цѣлыхъ племенъ и всего Человѣчества.

Вообразимъ себѣ народъ, заброшенный на острова отдаленнаго Океана, въ сосѣдствѣ съ однѣми громадами плавающихъ льдовъ, — тамъ, куда самая отважная

предпріимчивость мореплавателя проникаетъ лишь изрѣдка и случайно, — гдѣ житель бо́льшую часть дѣятельности употребляетъ на то, чтобы защищать свое существованіе отъ вліянія климата, — гдѣ самая необходимость заставляетъ Человѣка жить болѣе вещественно, нежели духовно: такой народъ безъ сомнѣнія долженъ идти къ просвѣщенію медленными шагами, и тысячи талантовъ увянутъ здѣсь такъ, какъ увядаютъ, не развившись, прекрасные цвѣты, не могущіе жить въ холодной атмосферѣ. Вообразимъ другой, подъ благорастворенным небомъ, въ странѣ, богатой всѣми дарами природы, — окруженной отвсюду племенами промышленными и образованными, — въ странѣ, гдѣ невольно воспламеняется воображеніе Художника и Поэта, гдѣ изыскательное любопытство находитъ пріятную пищу, безъ малѣйшихъ неудобствъ и затрудненій: этотъ народъ не пойдетъ ли быстро къ совершенствованію всего, чѣмъ украшается бытіе благороднаго существа, чѣмъ Человѣчество сближается съ своимъ божественнымъ назначеніемъ?

Впрочемъ, при всемъ этомъ надобно принимать въ соображеніе и другія безчисленныя обстоятельства: надобно предполагать самое лучшее, съ цѣлію гражданскаго общества сообразнѣйшее правленіе; надобно предполагать, что народъ или уже вознесся до самыхъ чистѣйшихъ началъ Религіи, или еще блуждаетъ во мракѣ относительно важнѣйшихъ истинъ для Человѣчества; надобно многое относить къ вѣковымъ предразсудкамъ, о кои часто сокрушается самая рѣшительная и сильная воля; наконецъ, надобно представлять Государство обезпеченнымъ со стороны внутренняго и внѣшняго спокойствія, ибо тогда только истинный талантъ роскошью просвѣщенія можетъ не жертвовать существеннѣйшимъ нуждамъ и обязанностямъ гражданина, — тогда только Поэтъ, бросая безпечную лиру, не становится въ ряды благородныхъ защитниковъ Царя и Вѣры. Вообще, надобно помнить, что стремленіе къ идеѣ Человѣчества предполагаетъ вѣчную борьбу съ вещественными и нравственными стихіями.

Сія борьба, совершающаяся, какъ кажется, по закопамъ неопредѣленнымъ, допускающимъ исключенія, — всегда была и всегда будетъ необходимымъ условіемъ явленій въ мірѣ Науки и Искусства. Дѣйствіе и противодѣйствіе, стремленіе къ цѣли и непреодолимыя препятствія, желаніе выступить изъ мрака и недостатокъ средствъ, однимъ словомъ, начало положительное и отрицательное во всемъ и вездѣ, то преобладая, то уступая силѣ враждебной, обнаруживаются событіями, болѣе или менѣе рѣшительными, но очень часто независящими отъ воли и таланта, и всегда носящими на себѣ отпечатокъ страны и вѣка.

Итакъ, духъ, въ коемъ развивается Литература народовъ, въ источникѣ своемъ и въ главныхъ основаніяхъ, — одинъ и тотъ же: ибо вѣчные законы природы — одни и тѣже для всего человѣчества. Но, поелику народъ, составляя часть цѣлаго — рода человѣческаго, при общихъ чертахъ, идею Человѣчества составляющихъ, естественно имѣетъ и частныя, ему только одному свойственныя, черты, то и духъ

Литтературы народа по необходимости развивается въ двойственномъ направленіи: въ направленіи человѣка — гражданина вселенной, и въ направленіи человѣка — гражданина своего отечества. Чѣмъ болѣе господствуетъ частное направленіе; чѣмъ болѣе въ произведеніяхъ Литтературы отражается Религія, правленіе, мѣстность народа: тѣмъ она самообразнѣе, разновиднѣе, занимательнѣе для наблюдателя. Чѣмъ болѣе народъ встрѣчалъ препятствій и затрудненій къ развитію умственныхъ силъ своихъ: тѣмъ успѣхи его на поприщѣ просвѣщенія уважительнѣе, а совершенство произведеній заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія.

Сіи общія начала природы и разума я полагаю въ основаніе всего, что̀, по̀ обстоятельствамъ, могу сказать въ семъ Разсужденіи: ибо начала сіи должны быть основаніемъ всякаго разсужденія о подобномъ предметѣ.

По смыслу задачи, мое Разсужденіе дѣлится на двѣ части: въ первой надобно сказать о духѣ, въ коемъ развивалась

Русская Литтература со времени Ломоносова; во второй — о вліяніи, какое имѣли на сіе развитіе Литтературы иностранныя.

Дабы видѣть всю важность и великость вліянія на современниковъ и потомковъ, сдѣланнаго безсмертнымъ основателемъ нашего Краснорѣчія и Поэзіи, и съ тѣмъ предварительно опредѣлить, въ какомъ духѣ могла и должна была развиваться наша Литтература съ его времени, — бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ происшествій въ нашемъ Отечествѣ до появленія на поприщѣ Словесности — Россійскаго Малерба.

Россійское Государство, въ сравненіи съ другими Державами Европы, представляетъ явленіе, единственное въ Исторіи народовъ. Безпристрастный наблюдатель не упрекнетъ насъ въ безопчетномъ самолюбіи, если мы будемъ утверждать, что Русскіе, уже до сихъ поръ, на поприщѣ умственнаго образованія сдѣлали больше, нежели казалось бы возможнымъ, по соображенію обстоятельствъ. — Ни одинъ Европейскій

народъ не имѣлъ столько препятствій къ просвѣщенію, какъ народъ Русскій. Съ одной стороны, естественное положеніе отдѣлило насъ отъ Римской Имперіи, на развалинахъ коей основалось и утвердилось образованіе новѣйшихъ народовъ; съ другой, наше Восточное исповѣданіе не позволяло намъ принимать участія въ событіяхъ Запада, кои, по своимъ обстоятельствамъ и слѣдствіямъ, сдѣлались такъ важными и благотворными. Тогда какъ изъ разбитыхъ частей Всемірной Монархіи образовывались Государства; когда лучи угасавшаго просвѣщенія Древнихъ, отражаясь на дикіе умы Готѳовъ и Гунновъ, оказывали свои благодѣтельныя дѣйствія; когда Европа, одушевляемая чувствами чести, любви и Вѣры, волновалась, и, въ слѣдствіе того, постепенно совершалось развитіе духа народовъ, — Россія совершенно была отстранена отъ всѣхъ полезныхъ измѣненій Европейской гражданственности, и едва по слуху знала, какое преобразованіе получаютъ племена, чуждыя для ней по всѣмъ отношеніямъ.

Нельзя отрицать, что съ Христіанствомъ явилась нашему Отечеству прекрасная заря просвѣщенія: но благотворный свѣтъ Евангелія дѣйствовалъ болѣе на нравственную, нежели на умственную сторону Русскаго духа. Принесенныя съ онымъ искры не были поддержаны надлежащею дѣятельностію народа: сія дѣятельность, по несчастнымъ обстоятельствамъ вѣка, ограничивалась трубымъ эгоизмомъ страстей, останавливающимъ всякое стремленіе къ совершенствованію ума и вкуса. Раздробленная на Удѣлы, и въ послѣдствіи безпрестанно раздробляемая, Россія представляла картину, совершенно различную отъ той, какую представляли другія Государства тогда ей современныя. Тамъ, при всемъ кажущемся неустройствѣ, все стремилось къ какому-то единству и равновѣсію; у насъ все разъединялось, распадалось на части, и принимало превратное направленіе. Но сей печальный безпорядокъ, сей политическій и нравственный хаосъ сдѣлался рѣшительно гибельнымъ для свободнаго развитія умственныхъ силъ нашихъ,

когда наводнившія Россію толпы варваровъ грозили ей совершеннымъ уничтоженіемъ ея политическаго существованія. Что̀ могли мы, порабощенные болѣе нежели два вѣка, пропзвести на поприщѣ умственнаго образованія, не видя въ господствовавшихъ дикихъ нравахъ ничего, кромѣ необузданной страсти къ завоеваніямъ, алчности къ грабежу и чувствованій, унижающихъ человѣчество?

Правда, изъ сего зла, безпримѣрнаго въ Исторіи, Провидѣнію угодно было развить въ народѣ Русскомъ пѣ отличительныя свойства души, которыя нынѣ составляютъ незыблемую опору нашего благодѣнствія. Угнетенный желѣзною властію порабопштелей, Россіянинъ обращался къ источнику утѣшенія въ частныхъ и народныхъ бѣдствіяхъ — къ Вѣрѣ — *и твердая, непоколебимая Вѣра содѣлывалась болѣе и болѣе существенною чертою Русскаго характера.* Съ другой стороны, видя все свое въ рукахъ чуждыхъ, народъ не могъ не чувствовать тѣмъ бо́льшей привязанности ко всему родному, отечественному, —

не могъ не ощущать благородной потребности уважать тѣмъ болѣе власть, — но власть свою, не чуждую. Такимъ образомъ, изъ противорѣчія внѣшнихъ обстоятельствъ со внутренними побужденіями развернулись во всей полнотѣ: *уваженіе къ предержащимъ Властямъ и любовь къ Отечеству.* Благоразумнѣйшіе изъ Князей не упустили воспользоваться благопріятнымъ дѣйствіемъ народнаго ожесточенія противъ господства чужеземнаго, и почитая необходимымъ соединеніе силъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ, все свое вниманіе обратили на приведеніе разпорженныхъ частей подъ благотворную власть Единодержавія. Но, здѣсь только начало нашего политическаго возрожденія!

Наше государственное могущество зрѣло и укрѣплялось медленно. Потребны были цѣлые вѣки для того, чтобы благотворная рука Единовластителя могла держать бразды правленія свободно и независимо. Первое покушеніе свергнуть иго рабства хотя и пробудило благородныя чувствованія въ народѣ, но не имѣло успѣха рѣшительнаго, и начавшаяся борьба, отъ времени

до времени возобновляясь, держала на сторожѣ народъ и Правителей. Вмѣсто того, чтобы предаваться мирнымъ занятіямъ, они безпрестанно помышляли о мѣрахъ къ нападеніямъ, или о средствахъ къ защитѣ.

Уже пятнадцатый вѣкъ ознаменовывается въ Исторіи политическою свободой Россіи. Мудрый Князь сближаетъ ее съ колыбелью Вѣры ея и просвѣщенія. Грозный внукъ его является завоевателемъ Царствъ и любителемъ книжнаго дѣла. Годуновъ чувствуетъ необходимость сблизиться съ Европой, и принимаетъ нужныя мѣры. Казалось, что человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ умомъ и твердою волей, просвѣтитъ и образуетъ насъ: но Праведныя Судьбы, мстя за кровь невинности, караютъ преступника и Царство его — и ужасныя бѣдствія постигаютъ снова наше Отечество...

Наконецъ, мѣра испытаній, предопредѣленныхъ Россіи Волею Вышняго, исполняется. Прекращаются внутреннія смятенія; страсти, волновавшія народъ, утихаютъ; любовь къ отчизнѣ торже-

ствуетъ надъ коварствомъ и ожесточеніемъ враговъ, и на Престолѣ Россійскомъ возсѣдаетъ Державный Юноша, первенецъ нашей славы и благоденствія.

Михаилъ принялъ бразды правленія болѣе нежели черезъ четыре вѣка, можно сказать, потерянные для успѣховъ образованія. Его царствованіе могло ознаменоваться однѣми только заботами объ исцѣленіи глубокихъ ранъ, нанесенныхъ Отечеству врагами внѣшними и внутренними. Преемникъ его оставилъ сыну своему Державу обширную, устроенную, сильную, но — далеко отставшую отъ образованія современныхъ народовъ — и Петру, сему единственному въ лѣтописяхъ міра Петру, Провидѣніе предназначило вдохнуть въ народъ Русскій новую душу.

Великій Петръ сотворилъ великую Россійскую Державу! Постигая необыкновеннымъ умомъ своимъ высокое предназначеніе своего народа, онъ вдвигаетъ могучею рукой Царство Русское въ предѣлы Европы — и Европа съ изумленіемъ смотритъ на исполина, какъ бы пробужденнаго отъ сна,

и разпоргшаго вѣковыя цѣпи. Флоты, сотворенные магической сѣкирой генія, развѣваютъ свои флаги на моряхъ; войска, одушевленные мужествомъ Героя, побѣждаютъ непобѣдимыхъ; законы, написанные рукою сильною и мудрою, утверждаютъ повсюду порядокъ, судъ и правду; наконецъ, Науки, истинное могущество просвѣщенныхъ народовъ, разцвѣтаютъ на Сѣверѣ, и обѣщаютъ плоды обильные и прекрасные.

И не тщетны были благородные царственные труды, подъятые великимъ человѣкомъ для пользъ великаго народа: народъ сей обладалъ неистощимымъ запасомъ силъ физическихъ и нравственныхъ. Желанія и надежды Отца Отечества — сбылись! Наслѣдники Его Державы наслѣдовали Его волю и добродѣтели; подъ ихъ мудрымъ правленіемъ Россія явилась тѣмъ, чѣмъ долженствовала явиться по высокой мысли Преобразователя. Не прошло двухъ десятилѣтій послѣ того, какъ безсмертный духъ Петровъ оставилъ Царство свое — и сіе Царство, подъ скипетромъ кроткой

Монархии, торжествуетъ, цвѣтетъ и благоденствуетъ.

И тогда-то, когда всѣ благородныя силы народа Русскаго приведены были въ гармоническое движеніе; когда тѣнь Великаго еще одушевляла храбрые наши полки, и на поляхъ бранной славы мы уже видѣли Румянцевыхъ и Суворовыхъ; когда добродѣтели, возсѣдавшія на Престолѣ, были славимы во всѣхъ концахъ Имперіи благословеніями счастливаго народа; когда Науки и Искуства находили у Трона щедроты и благосклонное покровительство, — тогда — на поприщѣ Русскаго слова является удивительный человѣкъ, слава своего вѣка — *Ломоносовъ*.

Страсть непреодолимою страстью къ ученію, сынъ простаго рыбака добровольно оставляетъ скромную хижину родителей; пламенно желая удовлетворить своему безпредѣльному любопытству, превозмогаетъ всѣ препятствія и опасности; силою твердой и рѣшительной воли достигаетъ своего намѣренія — и достойные сыны Отечества вмѣняютъ себѣ въ долгъ и честь

поддерживать юнаго атлета на его прекрасномъ поприщѣ. Десять лѣтъ неутомимаго труда — и молодой человѣкъ, дотолѣ ограничивавшійся обыкновеннымъ употребленіемъ чтенія и письма, являетися постепенно: глубокимъ знатокомъ классическихъ Литтературъ, Математикомъ и Физикомъ, Астрономомъ и Металлургомъ, Грамматистомъ и Историкомъ, и, къ довершенію торжества Сѣверной геніяльности, превосходнымъ Оратороmъ и возвышеннымъ Поэтомъ.

Никто не сомнѣваетися въ томъ, что во всѣхъ родахъ ученой заслуги удивительный Ломоносовъ стоялъ на ряду съ ученѣйшими людьми Европы, ему современными: но, къ удивленію нашему, сему необыкновенному человѣку судьбою предназначено было дѣйствовать на насъ наиболѣе тѣмъ, что всего наименѣе занимало его всеобъемлющую дѣятельность, и что составляло для него какъ бы роскошь ученія и образованности. Болѣе или менѣе мы забыли о его разнообразныхъ и глубокихъ познаніяхъ; но онъ живетъ, и будетъ жить

въ нашей памяти, безсмертными твореніями своего Краснорѣчія и Поэзіи.

Не имѣя надобности входить здѣсь въ критическій разборъ произведеній творческаго пѣра его, я обращаю вниманіе только на то, въ какомъ духѣ и направленіи творилъ онъ, и долженъ былъ творить, и почему увлекъ за собою Русскую Словесность такъ, что еще и понынѣ имѣетъ своихъ не только почитателей, но и послѣдователей.

Геній есть существо въ высочайшей степени дѣйствительное и страдательное. Избытокъ внутренней силы обнаруживается въ немъ порывами быстрыми и пламенными, а всякое извнѣ приходящее впечатлѣніе дѣйствуетъ на него живо и рѣшительно. Тогда какъ наблюдатель обыкновенный спокойно смотритъ на свѣтило дня, скрывающее лучи свои въ волнахъ Океана, — геніяльная душа летитъ за удаляющимся свѣтомъ на крылахъ воображенія, и, восторженная, паритъ за предѣлами гемисферы. Посему, если не льзя отказать Ломоносову въ дарованіи, истинно геніяльномъ,

то и не трудно объяснить себѣ: отъ чего онъ въ твореніяхъ своихъ является *Панегиристомъ* и *Пѣвцомъ*, въ благороднѣйшемъ значеніи словъ сихъ?

Извлеченный рукою Провидѣнія изъ среды людей, простыхъ дѣтей природы, на поприще человѣка, долженствовавшаго быть живымъ отголоскомъ своего времени; почтенный уваженіемъ и дружбою Вельможъ; извѣстный у престола трехъ Монархинь, и осыпанный Царскими милостями; истинный сынъ Отечества, отъ полноты души радовавшійся всему, что вокругъ его совершалось полезнаго и славнаго для Россіи, — о чемъ другомъ могъ и долженъ былъ говорить онъ Ораторскимъ языкомъ своимъ, какъ не о геніяхъ-благодѣтеляхъ милліоновъ? Что другое могъ и долженъ былъ славить онъ на громкой лирѣ своей, какъ не благоденствіе и славу Русскаго народа? Не этихъ ли именно предметовъ требовало отъ него чувство пламеннаго восторга при слухѣ о блестящихъ побѣдахъ нашихъ, — чувство живаго удивленія при видѣ всего, что, по предначертанію

Великаго, развивалось и процвѣтало подъ вліяніемъ благодѣтельной власти и мудрости, — чувство признательности за благодѣянія, которыхъ онъ являлся достойнымъ въ глазахъ Монархини, какъ истинный жрецъ храма Отечественныхъ Музъ, какъ громкое эхо всеобщаго удовольствія и восторга? Такъ, геній-Ломоносовъ вышелъ на чреду свою тогда, когда и собственное настроеніе души, и духъ времени требовали отъ него *хвалы* и *пѣсни*; жребій его брошенъ — и онъ является Россійскимъ Пиндаромъ — въ *Похвальныхъ Словахъ* своихъ, и Россійскимъ Пиндаромъ — въ своихъ *Торжественныхъ Одахъ.*

Прибавимъ къ сему его *Оды Священныя*, плоды того, еще юношескаго, энтузіазма, съ которымъ читалъ онъ извѣстное преложеніе Псалмовъ, и въ послѣдствіи собственнымъ опытомъ постигнутой, высокой поэзіи Божественныхъ Писаній — и духъ изящной Литтературы Ломоносова будетъ состоять изъ трехъ главныхъ элементовъ, образующихъ истинныя черты Русской народности: *Христіанскаго благочестія*,

благоговѣнія къ Монархамъ и любви къ Отечеству.

И такъ, въ самомъ первомъ геніѣ нашей собственно Русской Литтературы, она получила первоначальное развитіе въ духѣ, истинно Русскомъ. Уже одного этого обстоятельства достаточно было для того, чтобы творенія Ломоносова обратили на себя вниманіе современниковъ. Его Священныя Оды безъ сомнѣнія сильно дѣйствовали на читателей-Россіянъ, всегда болѣе или менѣе набожныхъ, и всегда съ особеннымъ наслажденіемъ читающихъ Псалтирь Царя и Пророка. Его Похвальныя Слова и Торжественныя Оды равнымъ образомъ должны были восхищать ихъ: ибо, плѣняясь красотами изящнаго, они съ пламеннымъ восторгомъ принимали то, что́ было всего ближе къ ихъ внутреннимъ потребностямъ и ощущеніямъ. Гордясь славою Отечества, они платили дань вѣрноподданническаго благоговѣнія и любви къ Монархинѣ кроткой и благотворительной, а любя Науку и Искуство, выше всего поставляли святость Отечествен-

ныхъ нравовъ и Христіанское благочестіе. Самая форма, въ коей являлись творенія Ломоносова, не мало содѣйствовала къ тому, чтобы его вліяніе на Литтературу оказалось тѣмъ сильнѣйшимъ и продолжительнѣйшимъ. Какъ свободное и пламенное изліяніе чувствъ, Лирическая Поэзія предшествуетъ у всѣхъ народовъ міра появленію другихъ видовъ словеснаго изящества. Составляя сама по себѣ легчайшій родъ въ Литтературѣ, и явившись у насъ въ эпоху свѣжей юности вкуса, она, уже по причинѣ одной своей легкости, должна была одержать рѣшительный перевѣсъ предъ прочими родами Поэзіи, а тѣмъ болѣе, когда она была торжественнымъ эхомъ народнаго образа мыслей и чувствованій.

За истину утверждаемаго здѣсь говорятъ современныя Ломоносову явленія нашей Литтературы — творенія Сумарокова. Мы знаемъ, что сей, достойный всякаго уваженія Писатель, отецъ нашей Драмы, если и не имѣлъ генія Ломоносова, то, въ свое время, какъ человѣкъ съ дарованіемъ, имѣлъ гораздо обширнѣйшій кругъ дѣйствія. Лит-

тература составляла главный и единственный предметъ его трудовъ и занятій; онъ сочинялъ Трагедіи и Комедіи, коимъ рукоплескала современная Публика; — испытывалъ себя во всѣхъ родахъ, и не рѣдко съ успѣхомъ; — однимъ разнообразіемъ своихъ твореній онъ уже предупреждалъ въ свою пользу читателя, не всегда расположеннаго занимашься чѣмъ либо однимъ и важнымъ. Сумароковъ былъ, по большой части доступенъ и извѣстенъ всякому, кто могъ читать; Ломоносовъ совершенно понятенъ былъ только тому, кто имѣлъ образованный умъ, чистый и возвышенный вкусъ. Не смотря, однакожъ, на все сіе, не Лирическія сочиненія Сумарокова дѣйствовали на современниковъ слабо, не рѣшительно. Для высокой Трагедіи, для Комедіи забавной и остроумной, для Сатиры колкой и насмѣшливой, для нѣжной Элегіи и простодушной Басни — для всего этого тогдашнее поколѣніе не было еще довольно приготовлено; на всѣ такого роду произведенія оно смотрѣло болѣе какъ на игру

ума, какъ на средство времяпрепровожденія; оно не умѣло — ни замѣчать истинныхъ красотъ, ни охуждать явныхъ недостатковъ. Все это было еще не въ духѣ времени, и въ такихъ формахъ, кои, будучи довольно трудны для Писателя, тѣмъ труднѣе были для любителей изящнаго, а потому и не могли имѣть быстраго и увлекательнаго хода.

Но, если съ одной стороны духъ твореній Ломоносова, съ другой форма, сама по себѣ легкая и даже нѣкоторымъ образомъ народная, — благопріятствовали тому сильному впечатлѣнію, какое произвелъ онъ на соотечественниковъ, то, съ третьей, его удивительный геній довершилъ характеръ того развитія, коему съ его времени слѣдовала Русская Словесность. Его творенія, при внутренней эстетической цѣнности, отличались необыкновенными въ то время достоинствами со стороны самыхъ внѣшностей словеснаго искуства. Русскіе нашли въ нихъ: неслыханную до того плавность и звучность стиха, благородство выраженія, глубоко обдуманный

выборъ и употребленіе Славянскихъ рѣченій, отличное отъ другихъ Писателей словорасположеніе и устроеніе періодовъ, однимъ словомъ, самое блестящее оправданіе новой теоріи практикой геніяльной. Рѣшительно пзящныя произведенія не должны ли были увлечь всякаго, кто лишь былъ способенъ чувствовать, или производить изящное? Не только Одами и Похвальными Словами, но и всѣмъ тѣмъ, что̀ писалъ прозою, Ломоносовъ естественно долженъ былъ восхищать своихъ читателей: ибо во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ наблюдалъ какую-то правильную мелодію слога, о которой другіе современные ему Писатели, кажется, и не думали.

Почитая важнѣйшею точкой моего Разсужденія появленіе на поприщѣ нашей Словесности — Ломоносова, не считаю отступленіемъ отъ своего предмета — приведеніе нѣсколькихъ примѣровъ изъ безсмертныхъ твореній его. Они послужатъ къ объясненію всего, о немъ сказаннаго, и вмѣстѣ покажутъ, что̀ даже и въ наше

время, когда стихъ Русскій сдѣлался такъ плавенъ и текучъ, а проза такъ легка и свободна, — стихи и прозу его можно еще приводить въ примѣры изящныхъ красотъ Ораторскаго и Піитическаго слога.

Выбирать мѣста изъ Похвальныхъ Словъ Ломоносова — трудно: почти каждый періодъ можетъ служить образцемъ плавности и Ораторскаго разсчета. Напр.

»Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщен»ной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ »своихъ не могли принесть науки; нѣтъ »ни единаго человѣка, который бы не »могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. »Что святѣе и что спасительнѣе быть »можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Гос»подних, на высокій славы Его престолъ »взирать мысленно, и проповѣдывать Его »величество, премудрость и силу? «

Или:

»Представьте себѣ (Ораторъ говоритъ »Россійскому юношеству) будущее состоя»ніе, къ которому вы избраны, со благо»говѣніемъ внимайте, что Августѣйшая »Императрица, довольствуя васъ своею

»казною, матерски повелѣваетъ: Обучай-
»тесь прилѣжно: Я видѣть Россійскую
»Академію изъ сыновъ Россійскихъ состо-
»ящую желаю; поспѣшайте достигнуть
»совершенства въ наукахъ: сего польза и
»слава отечества, сего намѣреніе Моихъ
»Родителей, сего Мое произволеніе тре-
»буетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ
»и не воспѣта по достоинству Петрова
»великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи
»разума и въ украшеніи Россійскаго слова. «

Чѣмъ можетъ оскорбиться самый раз-борчивый вкусъ въ такомъ слогѣ? Развѣ размѣщеніемъ нѣкоторыхъ словъ по образ-цамъ Латинскихъ періодовъ? Но у Ломо-носова оно такъ непринужденно, что, чипая его, рѣдко можно вспомнить объ этомъ. Сколько Римскимъ Ораторамъ, столько же слѣдовалъ онъ и своему соб-ственному разборчивому уху — и его слово-теченіе имѣетъ какую-то свою, особен-ную музыку для внимательнаго слуха.

Но, составить плавный періодъ въ про-зѣ конечно было легче, нежели завладѣть стихомъ, когда Стихотворецъ самъ дол-

женъ былъ составлять теорію и сочинять примѣры. А здѣсь-то именно Ломоносовъ и удивляетъ насъ.

Какая сила и быстрота, напримѣръ, въ стихахъ:

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готѳовъ жметъ.
Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый,
Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердца трясутъ.
Уже мрачится свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой;
Тамъ смерть межъ Готѳскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый испоргая духъ.
Тамъ тысящи валяшся вдругъ.

Ода 2-я.

Какая легкость въ слѣдующихъ:

Уже врата отверзло лѣто,
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ согрѣто;
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ,

Объемлетъ мягкій лугъ крылами;
Крутится чистый токъ полями,
Брега питаетъ тучный илъ;
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

Ода 4-я.

Какая нѣжная кисть въ строфѣ:

Какъ утренняя заря сіяетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянитъ синій горизонтъ;
Лице любови толь прекрасно,
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проницаютъ тихій понтъ;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идутъ,
Съ надеждой смѣшанны отрады
Въ объяшы страстью мысли льютъ.

Ода 5-я.

Даже тяжелый, однообразный по существу своему, Александрійскій стихъ, весьма часто бываетъ гладокъ и свободенъ у Ломоносова, такъ, что написанныя симъ размѣромъ сочиненія его еще и теперь можетъ читать съ удовольствіемъ тотъ, кто способенъ чувствовать красоты не современныя только, но и всѣхъ прошед-

шихъ эпохъ нашего Литтературнаго быта. Напр.

Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова.
Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучь.
Въ густой крови кипя тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дожжевыхъ гуще тучь.
Ужь поле мертвыми наполнилось широко,
Непрядва трупами спершись едва шекла.

Тамира и Селимъ. Яв. послѣд.

Или:

Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
Ужасный въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ,
Реветъ и гонитъ мглу чрезъ горы и долины,
Возноситъ отъ земли до облакъ легкій листъ:
Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ
насъ.

Тамъ же.

Кто не согласится, что подобный стихъ рѣдко встрѣчается у Княжнина, и не всегда у Озерова, которому, однакожъ, не безъ основанія приписываемъ мы доведеніе сей мѣры до возможнаго благозвучія и совершенства.

Такими и подобными стихами не долженъ ли былъ Ломоносовъ плѣнить (во всемъ значеніи слова) современниковъ, не имѣвшихъ

до него почти ни какого понятія о такомъ стихосложеніи, которое, при внутреннемъ достоинствѣ Стихотвореній, дѣйствовало на нихъ прелестію новизны, и притомъ въ такую эпоху нашей Литтературы, когда требовали отъ поэзіи — стиховъ, такъ какъ мы теперь требуемъ отъ стиховъ — поэзіи. Удивительно ли наконецъ послѣ такой прозы и стиховъ, что, не смотря на права и преимущества новаго поколѣнія Писателей, есть еще у насъ любители Словесности, которымъ слогъ Ломоносова кажется образцемъ совершенства?

Господство *Русскаго* Лиризма, проявленнаго въ Литтературѣ нашей геніемъ Ломоносова, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе распространялось. Сдѣлавшись естественнымъ, легкимъ и пріятнымъ наслажденіемъ душъ, Лирическая Поэзія быстрыми шагами шла къ совершенству, а благопріятныя обстоятельства довели ее до возможной степени высоты и изящества. Тогда, какъ сладкозвучный пѣвецъ временъ Елисаветы платилъ послѣднія дани своего

дарованія Музамъ Отечественнымъ, наступила такая эпоха для Россіи, когда Провидѣніе предназначило ей развить всю полноту исполинской мощи своей. На престолъ Россійскій вступила великая жена, безсмертная въ нашихъ Лѣтописяхъ Екатерина — и Ея Царствованіе составило торжественный, пиитическій вѣкъ Русской славы. Кто изъ истинныхъ сыновъ Отечества, пробѣгая страницы Исторіи, не останавливается на каждомъ событіи тѣхъ временъ, и съ благородною Славянскою гордостію не радуется тому, что онъ принадлежитъ къ могучему племени великаго народа? Изумляющія Европу и вселенную побѣды на моряхъ и сушѣ, великолѣпныя торжества, слѣдовавшія за каждою новой вѣстью о новыхъ успѣхахъ оружія, — на поприщѣ военныхъ подвиговъ и государственной политики появленіе людей — истинныхъ геніевъ, начертаніе законовъ мудрыхъ и благотворныхъ, водвореніе народныхъ племенъ въ пустыняхъ, дополѣ необитаемыхъ, и все — по истинно творческому мановенію единой руки — руки Мо-

нархини, которая любила славу — для славы любезнаго ей народа, и благопворила ему — для блага человѣчеству: — вотъ содержаніе вѣка Екатерины! Неистощимое такими и подобными явленіями Царствованіе не долженствовало ли привести въ восторженное движеніе мысли и чувствованія людей, даже обыкновенныхъ, а тѣмъ болѣе не должно ли было оно своимъ возвышеннымъ піитизмомъ совершенно очаровать и увлечь за собою душу Поэта, если только Поэтъ имѣлъ Русскую душу? Но, уже недостаточно было теперь того размѣреннаго и обдуманнаго витійства въ Поэзіи, которое составляло отличительный характеръ піитическихъ твореній Ломоносова: ибо недостаточно было и Одъ *Петрова*, который если и рисовалъ иногда картины свои пламенною кистію, но болѣе увлекался страстнымъ патріотизмомъ, нежели мистикизмомъ піитическимъ. Вѣкъ требовалъ пѣвца, долженствовавшаго быть какъ бы представителемъ народа въ эпоху истинно піитическаго развитія силъ его — и явился — *Державинъ*.

Да проститъ мнѣ почтенная Схоластическая важность измѣненіе спокойнаго хода рѣчи! Благоговѣніе и восторгъ невольно овладѣваютъ душей при имени Поэта Русскаго — Поэта, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ Поэзіи! Я не смѣю рѣшать здѣсь труднаго вопроса: вѣкъ ли былъ выше Державина, или Державинъ былъ выше вѣка? Я чувствую только, какъ безсильно перо мое, когда оно пишетъ сіи строки. — Въ нѣкоторомъ смыслѣ, надобно быть самому пѣвцомъ Бога и Екатерины, что бы чувствовать красоты Державина съ наслажденіемъ вѣрнымъ, — уразумѣвать восторгъ его, какъ выражается Поэтъ,

Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ *).

Какъ Лирикъ, Державинъ стоитъ на такой высотѣ, выше которой восторженное пѣснопѣніе души проспираться не можетъ. Онъ похитилъ тайну Поэзіи у Природы; онъ истощилъ всѣ краски и цвѣты ея для творческихъ картинъ своихъ; онъ перепробовалъ всѣ тоны и настроенія

*) Пушкинъ.

пиитической гармоніи, перебралъ все разнообразіе формъ, и Поэзія Державина есть — живое олицетвореніе Лирическаго изящества!..

Такимъ образомъ, въ пѣвцѣ *Водопада* Лирическая Русская Поэзія достигла точки своего солнцестоянія. Она долженствовала теперь, или держаться на сей послѣдней степени высоты, или, успокоясь на лаврахъ, уступить мѣсто свое другимъ родамъ Литературныхъ явленій. Сдѣлать перваго она не могла, по общему закону природы, равно сильному и въ мірѣ дѣйствительностей, и въ царствѣ идеаловъ. Державинъ, призванный вѣкомъ, совершилъ свое призваніе, и преемникамъ на его поприщѣ оставилъ — одно безпредѣльное къ нему благоговѣніе. Поэты Русскіе изъ сего ли благоговѣнія, или по вліянію обстоятельствъ, мало по малу оставляли Лирическое поприще, хотя все еще, отъ времени до времени, въ звукахъ лиръ ихъ слухъ Русскій внималъ какъ бы отголоскамъ Державина, болѣе или менѣе громкимъ. Не изъ желанія сравниться съ нимъ — едва ли кто позволялъ себѣ

смѣлость мечты сей — даже, можетъ быть, не изъ желанія подражать ему, но они часто настроивали духъ свой къ пѣснопѣнію. Оно сдѣлалось какою-то потребностію Поэта Русскаго такъ, что даже и въ другихъ родахъ нашей Поэзіи господствующею стихіей оставался элементъ Лирическій. Онъ господствуетъ и въ современной Русской Поэзіи, и принимая въ соображеніе существенныя черты Славянской народности, и другія обстоятельства, можно утвердительно сказать, что онъ болѣе или менѣе будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока племя Славянъ будетъ существовать въ Русскомъ народѣ.

Какъ бы то ни было, но вѣкъ всегда бываетъ плодомъ предшествующаго и цвѣтомъ послѣдующаго вѣка. Царствованіе Елисаветы было спокойнымъ вступленіемъ въ торжество славы Русской при Екатеринѣ, а вѣкъ Екатерины, ознаменованный возвышеннымъ лиризмомъ жизни и поэзіи народа, бросилъ разновидныя семена на землю, уже способную производить плоды всякаго рода. Лучи глубокой

Науки и свѣтъ возвышеннаго образованія сосредоточивались въ лицѣ мудрой и великой Повелительницы Сѣвера. Отъ Ея величественнаго престола они изливались въ благотворномъ, очаровательномъ сіяніи. И кого не могла увлечь прелесть сего волшебнаго свѣта? Если удивительная жена нашла и воспитала намъ Героевъ, то она же, своимъ нѣжнымъ попеченіемъ, одушевила нашу юную, на все готовую Литературу. Между тѣмъ какъ громъ Россійскаго оружія торжественно раздавался на предѣлахъ міра, какъ Потемкины и Орловы величественно появлялись на сценѣ Имперіи, и лира Державина привѣтствовала ихъ своими громкими гимнами, — всѣ роды изящной Словесности быстрыми шагами шли къ совершенству. Уже наши Духовные Пастыри говорили сильнымъ языкомъ истинныхъ Ораторовъ, и въ краснорѣчивыхъ Словахъ ихъ уже едва примѣтны были слѣды Славянскаго элемента, зашруднявшаго нѣсколько живое дѣйствіе Христіанской Ораторіи. Уже *Херасковъ*, обогативъ нашу Словесность достойными

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР

всякаго уваженія произведеніями въ разныхъ родахъ, воспѣлъ важныя событія народа Русскаго въ *Эпическихъ Поэмахъ*. Уже *Богдановичь* гибкостію и разнообразіемъ своего дарованія восхищалъ Публику, и уравнивалъ для послѣдующихъ писателей путь къ образованію легкаго слога; *Хемницеръ* съ успѣхомъ шелъ по слѣдамъ Лафонтена, отличаясь естественностію и простодушіемъ, и наконецъ, самая Драма усовершенствовалась, по крайней мѣрѣ со стороны слога, въ твореніяхъ *Княжнина*, и даже явилась оригинальною — въ сочиненіяхъ *Фонъ-Визина*.

При такомъ разновидномъ и живомъ движеніи Литтературы изящной, Литтература ученая, по возможности, не отставала отъ вѣка. Россійская Словесность обогащалась какъ переводными такъ и оригинальными произведеніями по разнымъ отраслямъ знаній. Но *Россійская* Исторія, кажется, преимущественно занимала трудолюбіе людей, посвящавшихъ себя собственно Наукѣ. Такой примѣтной привязанности къ занятію *отечественнымъ*

безъ сомнѣнія придавало много силы и живости особенное къ сему предмету вниманіе Монархини, которая, желая сдѣлать счастливымъ народъ, желала знать судьбы народа, и сама въ Лѣтописяхъ нашихъ изучала Россійскую Исторію. Почтеннымъ трудамъ *Миллеровъ*, *Щербатовыхъ*, *Болтиныхъ*, *Шлецеровъ* — мы обязаны многими важными Историческими трудами, объясненіемъ и изложеніемъ Отечественныхъ памятниковъ и приготовленіемъ богатыхъ матеріаловъ для Историковъ послѣдующихъ.

Такимъ образомъ Россійская Словесность, начавъ съ Ломоносовымъ опъ восторженнаго пѣснопѣнія Оды и всѣхъ родовъ слова, въ коихъ образцы оставилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, — въ вѣкъ Екатерины достигла высочайшей степени совершенства — въ первой, и смѣло испытала себя — во всѣхъ другихъ. Теперь, естественно слѣдовало ей сдѣлать шагъ новый, шагъ, безъ сомнѣнія сообразный со внутреннимъ стремленіемъ каждаго явленія къ окончательному своему развитію, и съ потреб-

ностями времени, постепенно измѣняющаго все — въ Природѣ и Человѣкѣ. Русская Литература имѣла уже много самороднаго золота — въ цѣлой массѣ, но имѣла много и примѣси, дѣлавшей непріятное впечатлѣніе на вкусъ, уже достигшій нѣкоторой степени совершенства. Она уже имѣла прекрасную народную Поэзію, но прозаическая часть еще не соотвѣтствовала своему достоинству и важности. Поэтами восхищались, читали ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ; на Прозаиковъ смотрѣли хладнокровно. Виновать ли въ этомъ Писателей? Они не могли сдѣлать того, чего не сдѣлалъ ни одинъ народъ, оставившій слѣды своего существованія въ Литературномъ мірѣ. Усовершенствованіе піитической стороны Словесности вездѣ предшествовало усовершенствованію прозаической. — Они еще не были довольно опытны и самостоятельны для того, чтобы освободиться изъ подъ вліянія на нихъ генія Ломоносова. Тѣ, которые стояли на первомъ планѣ и наиболѣе могли обращать на себя вниманіе, увлекались прекрасными сто-

ронами его слога, и ошиблись дорогой, указанной великимъ предшественникомъ. Вмѣсто того, чтобы, принявъ слогъ его за образецъ, достойный подражанія, но еще не совершенный, постепенно отдѣлывать и совершенствовать оный, сообразно всѣмъ родамъ, въ коихъ писалъ Поэтъ и Ораторъ, — сіи Писатели всѣ вообще роды прозы хотѣли заключать въ длинные и многосложные періоды Ораторскихъ Рѣчей его. Составляя истинную красоту на своемъ мѣстѣ, и искусно употребляемый, такой искуственный періодизмъ еще и въ наше время можетъ имѣть свою цѣну; но сдѣлавшись отличительною чертою прозаическаго слога, онъ не могъ не казаться тяжелымъ, принужденнымъ, утомительнымъ. Кромѣ того, вообще прозаическія сочиненія того времени отзывались какою-то школьною, суевѣрною привязанностію къ формамъ Древнихъ. Посему надлежало кому либо возвысить свой голосъ и съ благородною смѣлостію говорить за дѣло истины и вкуса: надлежало обновить ветхія формы, гдѣ онѣ

требовали обновленія, — создать новыя, удовлетворительныя для разборчиваго вкуса, внести поэзію и въ самую прозу, которая безъ того никогда не можетъ быть изящною, — словомъ, развязать и облагородить слогъ Русскій, и дать *эстетическое* направленіе нашей Словесности. — Такое необходимое улучшеніе безъ сомнѣнія требовало генія въ своемъ родѣ, и сего генія имѣли мы въ незабвенномъ Исторіографѣ Россіи — *Карамзинѣ.*

Появленіе сего незабвеннаго Карамзина на горизонтѣ Русской Словесности, есть появленіе прекраснаго свѣтила, приносящаго жизнь и радость творенію. Въ Исторіи нашей Литтературы оно составило эпоху столь важную, что мы едва ли еще въ состояніи оцѣнить его заслуги, и показать, какъ велики и разновидны послѣдствія сдѣланнаго имъ преобразованія. — Истинная философія прекрасной души, въ соединеніи съ возвышенною и благородною чувствительностію сердца, составляли въ немъ примѣрнаго человѣка и гражданина, изъ гармоническаго же соединенія сихъ чи-

стыхъ элементовъ образовался — примѣрный Писатель. Украшаясь всѣми качествами филантропа и патріота, съ совершеннымъ самоотверженіемъ, едва ли до него не безпримѣрнымъ, пожертвовалъ онъ всѣмъ для того, чтобы пожертвовать собою пользѣ сограждан своихъ, и избралъ перо — скромнымъ средствомъ къ достиженію благородной цѣли. Пламенная страсть къ добру была единственнымъ побужденіемъ, заставившимъ его выйдти на важное поприще, предлежавшее тогда Писателю, и *добро*, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, характеризуетъ каждую черту его произведеній. Къ такому прекрасному союзу дарованій присоединивъ постоянство труда и плоды Науки и опыта, Карамзинъ явился на сценѣ нашей Словесности, и — подъ неутомимымъ перомъ, водимымъ рукою генія и вкуса, она получила новый видъ и образованіе. Кто не знаетъ, какое впечатлѣніе произвелъ слогъ Карамзина на Русскую Публику? Просвѣщенные любители и любительницы Литтературы тотчасъ увидѣли, что и на Русскомъ языкѣ можно выражаться

такъ же свободно, легко и изящно, какъ и на всякомъ другомъ, образованномъ языкѣ Европы. — Здѣсь едва ли у мѣста распространяться о томъ, какъ новость этого явленія подѣйствовала своимъ ослѣпительнымъ блескомъ на молодое поколѣніе Писателей, и какъ неопытныхъ завлекла въ крайность. Уклоненіе многихъ отъ прямаго пути не льзя приписывать Начальнику преобразованія: виновны тѣ, кои хотѣли подражать ему, не разсуждая, въ чемъ должно было состоять подражаніе. Сіе уклоненіе, бывъ естественнымъ явленіемъ въ подобныхъ случаяхъ, было даже полезно для успѣховъ нашей Словесности: оно вызвало почтеннаго Нестора Русскихъ Писателей — подать голосъ въ защиту истиннаго источника красотъ нашего слова, и рѣшительно напомнить о Ломоносовѣ, котораго многіе уже начали было забывать, но котораго забывать не льзя и не должно тому, кто хочетъ писать слогомъ Русскимъ. — (Говоря такъ, я не разумѣю того, будто мы должны и теперь подражать въ слогѣ Ломоносову; не въ

слогѣ собственно должны мы подражать ему, но въ *направленіи*, какое старался онъ дать слогу; а онъ старался дать ему направленіе *Русское.*) Великій человѣкъ безъ сомнѣнія убѣжденъ былъ, что слогъ составляетъ какъ бы физіономію народа, и если народъ живетъ своею самообразною жизнію, то наковою же жизнію долженъ быть проникнутъ и слогъ его. Такъ мыслилъ и почтенный Исторіографъ, и слѣдуя законамъ ума и вкуса, давалъ Русскому слогу то самобытное образованіе, которое, на языкѣ свѣжемъ и живомъ, хотя и не получило еще окончательной отдѣлки, но уже рѣзкими чертами обозначилось въ сочиненіяхъ нашихъ Писателей. — Самый же близкій къ совершенству опытъ и образецъ *Русскаго слога* мы имѣемъ въ безсмертномъ трудѣ Карамзина — *Исторіи Государства Россійскаго.*

Съ Карамзинымъ Русская Словесность сдѣлала блестящій шагъ къ истинному изяществу. Споя, какъ прекрасная звѣзда, среди другихъ, его окружавшихъ, онъ

сильно и живо дѣйствовалъ на современныхъ ему Писателей ясностію своего ума и теплотою сердца. *Муравьевъ* и *Подшиваловъ* принадлежатъ къ его сферѣ, какъ ближайшіе и благороднѣйшіе его спутники. Первый съ глубиною мыслей соединялъ безъискусственную простоту Древнихъ, и оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ образцы мужественной красоты и прелести; послѣдній, обладая прекраснымъ даромъ выражать мысли легко, свободно и со вкусомъ, много содѣйствовалъ своими Литтературными трудами изящному развитію Русскаго слога: переводы его принадлежатъ къ образцовымъ.

Но, въ то время какъ проза, получивъ прекрасное направленіе, и утверждаясь на блестящихъ опытахъ, показанныхъ сими тремя Писателями, находила многихъ достойныхъ подражателей, Поэзія, не переставая слѣдовать по своему главному направленію, совершенствовалась во всѣхъ формахъ. Еще неподражаемый Державинъ отъ времени до времени бралъ свою лиру, и мужественными руками извлекалъ изъ ней

громкіе и сладостные звуки; еще звуки сіи какъ бы перенималъ и смѣло вторилъ пѣвецъ освобожденной Москвы и Завоевателя Сибири; еще самъ Корифей Прозаиковъ платилъ посильную дань Лирической Музѣ, и многіе другіе раздѣляли съ нимъ вдохновеніе въ своихъ болѣе или менѣе возвышенныхъ пѣснопѣніяхъ. Но, уже вообще, громъ Лирическій съ утихавшимъ громомъ Екатеринина вѣка постепенно затихалъ, и чувство, пресытившееся симъ родомъ изящества, искало наслажденія въ другихъ видахъ. *Повѣствовательный* и *Дидактическій* родъ Стихотвореній подъ игривымъ и легкимъ перомъ *Дмитріева* усовершенствовался до степени достоинства Европейскаго. Его же *Басни* съ Баснями *Крылова* принадлежали уже къ такимъ явленіямъ въ нашей Словесности, что едва ли можно было желать и надѣяться чего лучшаго въ этомъ родѣ. Самая *Драма*, при всей трудности исполненія и неудобствѣ господствовавшей теоріи, достигла нѣкотораго степени совершенства, и Творецъ *Фингала* заставлялъ своихъ героевъ го-

ворить испиннымъ языкомъ Мельпомены.

Все шло быстро и смѣло. Истощивъ одну сферу изящнаго, геній Русской Поэзіи съ жаромъ устремлялся къ другой, и вездѣ искалъ новой пищи. Самаго стиха, который доколѣ господствовалъ исключительно въ нашей Поэзіи, было уже недостаточно для выраженія равновидныхъ оттѣнковъ мысли и чувства. Вникая постепенно въ свойство Русскаго языка, Писатели нашли, что онъ способенъ выражать разнообразные метры языковъ классическихъ, и съ того времени Гомеры и Виргиліи начали появляться у насъ съ своей собственною физіономіей. Совершенно ли въ Русскомъ гекзаметрѣ выражается музыкальный разсчетъ стиха Греческаго — это не относится къ предмету сего Разсужденія: но въ Гомеровой Иліадѣ, переданной намъ *Гнѣдичемъ*, безъ сомнѣнія свѣтлѣе отражается геній Эллады, нежели въ Иліадѣ *Кострова*, имѣющей свои достоинства. Поэтъ конечно вдохновенъ былъ самимъ пѣвцомъ голубоокихъ Палладъ и быстроногихъ Ахилловъ,

когда, внимая Іонійскому старцу, вѣщающему языкомъ Сѣвера, сказалъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой. *)

Вообще, эпоху рѣшительнаго совершенствованія языка и обогащенія онаго изящнѣйшими твореніями въ стихахъ и прозѣ Русская Словесность начинаетъ съ возшествіемъ на Престолъ Благословеннаго Александра, благодѣтеля Россіи и Человѣчества. Въ сію эпоху на сценѣ нашей Литературы явились Писатели, съ именами коихъ мы привыкли соединять воспоминанія и надежды, восхищающія истинныхъ сыновъ Отечества. За исключеніемъ немногихъ, всѣ они еще живутъ и дѣйствуютъ, и подобно прекраснымъ цвѣтамъ украшаютъ богатое поле нашей Словесности.

Съ *Жуковскимъ* Русская *Литтература* начала принимать направленіе *Романтическое;* по крайней мѣрѣ такъ у насъ по-

*) Пушкинъ.

лагаютъ. Въ звукахъ его нѣжной, мечтательной лиры мы ясно услышали ту сладостную гармонію, которой съ тихимъ, небеснымъ восторгомъ внемлетъ духъ, холодный для наземнаго и жаждущій небеснаго. — Не входя здѣсь въ изложеніе сего многостороняго предмета, я считаю однакожъ нужнымъ сказать, что въ то время какъ практика Романтизма одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ практикою Классиковъ, споръ о семъ Литературномъ дѣлѣ, въ видѣ теоретическомъ еще у насъ не рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ; (явленіе впрочемъ обыкновенное: практика всегда предшествуетъ теоріи). Отдѣльныя статьи въ Періодическихъ изданіяхъ еще не льзя почитать окончательнымъ приговоромъ, и тѣмъ болѣе, что, не смотря на славныя имена, подъ которыми вездѣ въ наше время сражаются приверженцы новизны, кажется, до сихъ поръ разсматривали сей вопросъ болѣе со стороны *внѣшностей*. Будучи безконечно разнообразны, сіи внѣшности никакъ

не могутъ быть подводимы подъ правила, а между тѣмъ теоретики упускаютъ изъ виду внутреннюю сущность предмета, и не изслѣдовавъ обстоятельно *причины*, стараются объяснять разновидныя *слѣдствія*.

Впрочемъ, не смотря на нѣкоторыя неудобства, всегда сопряженныя съ теоріями новыми, превратно или невполнѣ понимаемыми, и потому вводящими неопытныхъ въ заблужденіе, — можно утвердительно сказать, что появленіе Романтической практики въ нашемъ Отечествѣ есть самый смѣлый и благородный шагъ къ совершенству языка и Литтературы. Онъ рѣшительно приближаетъ Русскую Словесность къ народности. Съ одной стороны Романтизмъ можетъ уронить всякую Литтературу, если въ ней не будутъ слѣдовать какимъ либо общимъ началамъ, необходимымъ и для самаго фантасмагорическаго произведенія въ мірѣ Искусства: но съ другой, яснѣе и положительнѣе объясняя намъ сущность изящнаго, онъ одинъ можетъ развивать тѣ пре-

красныя явленія духа и природы, кои, проникая себя взаимно и сливаясь, какъ радужные цвѣты, непримѣтными точками, составляютъ истинныя и неистощимыя красоты жизни и Поэзіи. За истину сказаннаго ручаются произведенія современныхъ намъ Русскихъ Писателей.

Здѣсь первая часть моего Разсужденія встрѣчается со второй.

Русская Литтература такое же претерпѣла вліяніе отъ прочихъ Литтературъ, какъ и всякая другая изъ Европейскихъ.

Сіе положеніе разовьется и объяснится рѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: *α*) возможна ли Литтературная независимость въ смыслѣ безусловномъ; *β*) благопріятны ли были обстоятельства для самообразности Русской Литтературы; *γ*) что особенно имѣло вліяніе на подражательность оной; *δ*) при всей неизбѣжности подражанія сохранила ль наша Литтература свой особенный характеръ.

Родъ человѣческій составляетъ одно многочисленное семейство. Проходя различныя степени гражданственности, сіе семейство

собираетъ и хранитъ, какъ общее достояніе, плоды своей умственной и физической дѣятельности, и изъ вѣка въ вѣкъ передаетъ ихъ въ наслѣдство поколѣніямъ грядущимъ. Такимъ образомъ, цѣлыя племена живутъ и дѣйствуютъ, такъ сказать, для того, чтобы приготовить, чѣмъ жить и дѣйствовать ихъ потомству. Это законъ, подчиняющій себѣ всю производительность жизни и бытія, — законъ необходимый такъ, что безъ него идея человѣчества не могла бы никогда развиться во всей полнотѣ своей.

Внутренняя необходимость сего закона проистекаетъ изъ самаго существа нашей природы. Человѣкъ, при всей высокости своего назначенія, при всѣхъ возвышенныхъ дарованіяхъ духа, есть созданіе слабое и ограниченное. Бытіе и дѣйствованіе его на театрѣ міра кратковременно, а появленіе въ свѣтъ и пребываніе въ ономъ такъ сопряжены съ существованіемъ предковъ и потомковъ, что и физическія и нравственныя силы его не иначе могутъ развиваться, какъ при помощи другихъ

людей, и по силѣ тѣхъ побужденій, кои поставляютъ его въ неизбѣжныя къ нимъ отношенія. Ему необходимо нужна грудь, у которой бы, какъ безпомощный младенецъ, могъ онъ питать свои жизненные духи; ему непремѣнно нужна рука другаго, чтобы поддерживать его, когда онъ начинаетъ попирать землю неопытными стопами; ему непремѣнно нуженъ языкъ другихъ для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться существомъ словеснымъ; — онъ имѣетъ надобность въ ихъ разумѣ, чтобы умственныя силы его получили надлежащій ходъ и направленіе; — даже въ самой добродѣтели, чтобы сердце его научилось любить добродѣтель. Словомъ, въ человѣческомъ обществѣ мы не можемъ представить себѣ такого отдѣльнаго, независимаго существа, которое бы достигло извѣстной степени физическаго и нравственнаго совершенства, не бывъ тѣмъ никому обязано.

Но, сколько зависимость нашего образованія отъ другихъ необходима, столько и вліяніе другихъ на развитіе нашихъ силъ и способностей — естественно. Дитя,

еще не способное отличать вреда отъ пользы, охотно вѣритъ матери, отцу, наставнику. Вѣрованіе сіе не рѣдко обращается въ убѣжденіе, и, повторенное неоднократно, содѣлывается главною чертою характера, или господствующимъ направленіемъ образа мыслей. Такимъ образомъ, подражаніе другому есть уже какъ бы врожденное стремленіе природы нашей — стремленіе, безъ котораго Человѣкъ не могъ бы сдѣлаться Человѣкомъ. Кто только живетъ и дѣйствуетъ, болѣе или менѣе подражаетъ. Сынъ подражаетъ отцу, подчиненный начальнику, послѣдователь системы — основателю оной. Совсѣмъ того не замѣчая, мы подражаемъ слогу писателей, которые намъ болѣе нравились; совсѣмъ о томъ не думая, мыслимъ такъ, какъ мыслятъ люди, къ которымъ питаемъ какія либо чувствованія любви и почтенія; наконецъ, совершенно противъ воли нашей, мы часто подражаемъ въ самыхъ незначущихъ движеніяхъ и пріемахъ тому, съ кѣмъ часто обращаемся, отъ кого получаемъ въ чемъ

либо руководство и наставленіе. — Притомъ, одной собственной нашей опытности ни мало недостаточно для того, чтобы достигнуть извѣстной степени совершенства, въ Наукѣ ли то, или Искуствѣ; и сумма познаній извѣстнаго рода, совмѣщаясь въ умѣ одного лица, принадлежитъ болѣе или менѣе всѣмъ, кто ему предшествовалъ на томъ же поприщѣ. Тотъ, кто смѣлою дугой перебросилъ гранитный мостъ черезъ каналъ глубокій, уже обязанъ своимъ искуствомъ тому, кто первый, для перехода чрезъ мелкій ручей, придумалъ соединить берега онаго брошеннымъ деревомъ. Кто изслѣдовалъ законы природы, проникъ въ тайны души и сердца, составилъ системы о Божествѣ, мірѣ и Человѣкѣ, — не обязанъ ли чѣмъ либо тому, кто первый въ явленіяхъ вселенной началъ искать первоначальной дѣйствующей причины? — Мы удивляемся твореніямъ безсмертныхъ умовъ, забывая, что въ сихъ твореніяхъ проявляются, не рѣдко лишь въ новомъ видѣ, плоды дѣятельности ихъ предшественниковъ, людей

обыкновенныхъ, но кои своею производимостію въ теченіе вѣковъ уравнивали и облегчали путь людямъ геніяльнымъ. Мы съ благоговѣніемъ произносимъ славныя имена Ораторовъ и Поэтовъ, но не спрашиваемъ себя: независимо ли отъ вліянія другихъ изливается изъ пламенной души возвышенная Поэма или краснорѣчивое Слово? Нѣтъ сомнѣнія, что геній многое изобрѣтаетъ своею собственною самодѣятельностью; но если бы мы были въ состояніи въ его произведеніяхъ то, чѣмъ онъ обязанъ другимъ, отдѣлить отъ того, чѣмъ онъ обязанъ собственно самому себѣ, то мы увѣрились бы, какъ далеки славные геніи отъ той идеи, какую составляетъ объ нихъ наша теорія.

И такъ, естественнымъ союзомъ природы и ея нуждъ соединяется человѣкъ съ прошедшимъ и будущимъ, и тѣмъ образуется непрерывная цѣпь вѣковъ съ вѣками, поколѣній съ поколѣніями. — Какой народъ не обязанъ своимъ просвѣщеніемъ, своими успѣхами въ Словесности, другимъ народамъ, предупредившимъ его на поприщѣ

политическаго бытія? Греки, по народному самолюбію приписывавшіе себѣ изобрѣтеніе всѣхъ Наукъ и Искуствъ, не одолжены ли своимъ образованіемъ пришельцамъ изъ странъ отдаленныхъ? Эллада, сдѣлавшаяся столь славною въ Исторіи эстетическимъ развитіемъ человѣческаго духа, представляла пустыню, населенную людьми звѣроподобными до тѣхъ поръ, пока Данаи и Кадмы, Кекропсы и Девкаліоны не принесли въ нее первыхъ понятій объ удобностяхъ жизни, Гражданскомъ устройствѣ, законахъ и Религіи. Въ самую цвѣтущую эпоху своего гражданскаго быта не оставляли ль Греки своего отечества для того, что бы въ тайнахъ жрецовъ Мемфиса удовлетворять жадному любопытству ума, или у мудрецовъ Востока вопрошать объ истинахъ, важныхъ для Человѣчества?

Цвѣтущая эпоха Греческаго просвѣщенія проходитъ, и народъ, развившій Науку и Искуство до возможной степени совершенства, оставляетъ плоды своей умственной дѣятельности воинственному Ри-

му. Удовлетворивъ неукротимому стремленію къ добычѣ и славѣ, гордый чтитель Капитоліи чувствуетъ потребность предаваться занятіямъ, съ природою человѣка болѣе сообразнымъ, и соревнуетъ побѣжденному народу въ образованіи ума и вкуса. На поприщѣ Римскаго просвѣщенія явились великіе люди, завѣщавшіе славныя имена свои безсмертію. Но, кого изъ нихъ можемъ мы назвать самообразнымъ, независимымъ геніемъ, въ идеальномъ значеніи слова? Римъ, составляющій столь важное звѣно въ исторіи развитія геніяльныхъ силъ человѣчества, Римъ, котораго умственными произведеніями связывается міръ древній съ міромъ новымъ, Римъ, на Литтературныя памятники котораго мы и теперь смотримъ какъ на образцы изящества, — что̀ представляетъ намъ сей славный Римъ въ своей богатой Литтературѣ, какъ не подражанія, болѣе или менѣе близкія, болѣе или менѣе удачныя?

Послѣдуемъ мысленно за симъ колоссомъ силы и могущества по пути его постепеннаго склоненія къ упадку и разрушенію.

Предспавимъ, какъ сія величественная, глубокая рѣка разводится на протоки и ручьи, едва примѣтные. Сіи прóтоки и ручьи вливаются въ воды странъ чуждыхъ, Римъ исчезаетъ; но слѣды его существованія рѣзкими чертами обозначаются вездѣ, гдѣ только повелители свѣта попирали землю своими воинственными стопами. Ихъ оружіе носятъ побѣжденные; ихъ языкомъ говорятъ толпы, начинавшія выходить изъ состоянія дикости; ихъ законы служатъ образцемъ для царствъ и народовъ.

Варварство Сѣверныхъ и Восточныхъ ордъ, нахлынувшихъ шумною рѣкой на изнемогшаго исполина, господствуетъ надъ Европою, и цѣлые вѣки держитъ ее во снѣ невѣжества. Наконецъ, она пробуждается; чувствуетъ стремленіе къ умственной дѣятельности; чувствуетъ потребность наслаждаться истиннымъ и изящнымъ: но не ищетъ ли истиннаго и изящнаго въ памятникахъ Словесности древняго міра и не подражаетъ ли имъ совершенно рабски? Суевѣрная Схоластика почитаетъ ихъ ка-

кою-то святыней; люди съ умомъ и дарованіемъ, даже съ геніемъ, смотрятъ на уцѣлѣвшія произведенія Грековъ и Римлянъ, какъ на образцы неподражаемые, но подражаніе онымъ считаютъ необходимостію для всякаго, кто лишь хочетъ произвести что̀, достойное вниманія. Кто не мыслилъ, какъ Аристотель, не смѣлъ называться Философомъ; кто не умѣлъ размѣрять своихъ періодовъ, какъ Цицеронъ, не считался Ораторомъ; кто не могъ составлять Латинскихъ гексаметровъ, не былъ Поэтомъ. Надобно было непремѣнно обратиться въ Грека и Римлянина, что̀ бы носить почетное званіе Философа, Оратора, Поэта.

Но Европа не остановилась еще здѣсь, на семъ схоластическомъ суевѣріи. Вѣкъ владычества Аристотелевой Философіи можно упрекать въ безотчетной привязанности къ подражанію Древнимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно и прощать ему сіе, тогда совершенно необходимое подражаніе: это было время дѣтства и неопытности Европейскаго генія. Но вотъ проходитъ вѣкъ,

и другой, и третій. Первоклассные народы Европы сдѣлали новыя опкрытія, усовершенствовали Науки и Искуства, обработали языки свои: по проходя Исторію ихъ Литтературъ, читая произведенія ихъ отличнѣйшихъ Писателей, много ли мы, принимая въ строгомъ смыслѣ, найдемъ у нихъ собственно ими изобрѣтеннаго, такого, чего какихъ нибудь слѣдовъ мы не могли бы найти у древнихъ или новѣйшихъ Писателей?

Гомеръ (не можемъ знать, по какому побужденію и образцу...) пѣлъ разрушеніе Трои, и Виргилій въ Поэмѣ своей, совершенно другаго содержанія, подражаетъ — Гомеру; Данть, существо, совершенно другаго міра, нежели Виргилій, въ Поэмѣ, совершенно другаго духа, подражаетъ — Виргилію. Читая по порядку временъ: Тассовъ, Мильтоновъ, Вольтеровъ, Херасковыхъ, мы въ ихъ твореніяхъ всегда найдемъ нѣкоторое сходство съ первоначальными формами Древнихъ; во всѣхъ ихъ найдемъ общую характеристику. Заглянемъ на славную Французскую сцену, въ цвѣ-

тущую эпоху Французской Словесности; присмотримся къ дѣйствующимъ лицамъ; вслушаемся въ ихъ пышную декламацію, и мы увидимъ и услышимъ все, что̀ есть лучшаго у Софокла, Эврипида, Сенеки. Подобныя заимствованія, болѣе или менѣе, мы найдемъ въ изящныхъ произведеніяхъ всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ Европы. Весьма не многія исключенія ни сколько не заставятъ насъ усомниться въ той истинѣ, что · если бы не существовалъ Древній Литтературный міръ, то не существовалъ бы и Новый; — что если бы Греки не имѣли Трагедіи, то не имѣли бы оной и Французы, и Англичане, по-крайней мѣрѣ въ такой формѣ, и въ такой степени совершенства, до какой она достигла въ новѣйшіе вѣки.

Разсматривая такимъ образомъ ходъ Литтературы черезъ все послѣдованіе вѣковъ, мы видимъ, что ходъ сей вездѣ былъ одинаковъ, и что подражанія, въ строгомъ смыслѣ, не могъ избѣгнуть ни одинъ народъ и ни одинъ геній. — Почему же сего подражанія должна была из-

бѣгнуть Русская Литтература? По чему она исключительно подвержена упреку въ подражательности? Обсуживая вещи безпристрастно, казалось бы, скорѣе можно склониться на сторону тѣхъ, которые думаютъ, что на Русскую Литтературу, такъ какъ и на Русскую Имперію, должно смотрѣть совершенно съ особенной точки зрѣнія... По крайней мѣрѣ гораздо ближе было бы къ Философскому воззрѣнію на предметы — утверждать, что, если и ощутительно въ нашей Словесности вліяніе Литтературъ иностранныхъ, то сіе вліяніе нигдѣ такъ было неизбѣжно, какъ въ Россіи. Подражать иностранному заставляли насъ всѣ возможныя обстоятельства.

Уже Европа была впереди Русскихъ нѣсколькими вѣками; уже, по паденіи Схоластики, геній новѣйшихъ временъ развился до извѣстной степени силы и самостоятельности: Италія имѣла Данте, Тассо, Альфіери; Франція восхищалась Корнелемъ, Расиномъ, Моліеромъ; Испанія оставила Европѣ удивительное Литтера-

турное богатство въ твореніяхъ Лопеца де Веги и Кальдерона; Англія гордилась Шекспиромъ и Мильтономъ, словомъ, области Науки и Искуства были уже раздвинуты по всѣмъ возможнымъ направленіямъ — и тогда-то уже Россія, совершенно дотолѣ незнакомая съ Наукой и Искуствомъ, является на поприщѣ Европейской гражданственности и образованія. Русскимъ ни чего не оставалось дѣлать, какъ удивляться міру познанія, совершенно для нихъ новому и очаровательному, — ни на что не покушаться, какъ на подражаніе всякому, даже иногда посредственному произведенію ума, которое, по ихъ неопытности, могло и должно было казаться для нихъ образцемъ совершенства. Посему, если на ихъ жребій досталось — явишься гораздо послѣ всѣхъ народовъ Европы на сценѣ изящнаго образованія, если имъ суждено было, по самому стеченію обстоятельствъ, быть нѣкоторое время учениками предшественниковъ: то можно ли съ основательностію упрекать ихъ въ томъ, что они подражали въ Лит-

тературѣ? Не только Литтературу, но и многое другое они должны были перенимать и заимствовать у иностранцевъ —по необходимости. Ученики всегда подражаютъ учителямъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока, въ свою очередь, достигаютъ самодѣятельности ума и вкуса. Въ наше время, когда народъ Русскій приближается къ возрасту мужества, отечественный Писатель умѣетъ оцѣнить достоинство всего, что́ достойно подражанія, въ чемъ подражаніе состоитъ, должно ли и можно ли избѣгать онаго, и пр. Но тогда, когда Русская душа была совершенно открыта для всякаго новаго впечатлѣнія, удивительно ли, что она находилась безпрерывно въ страдательномъ состояніи?

Сему естественному расположенію — перенимать и подражать содѣйствовалъ самый способъ, какимъ введено и утверждено у насъ просвѣщеніе. Не родилось оно само собой, не развилось оно изъ свободной потребности духа, постепенно зрѣя и распространяясь отъ простой хи-

жины до великолѣпнаго чертога вельможи: напротивъ, оно привито къ намъ какъ бы по нѣкоторому принужденію; обстоятельства какъ бы невольно заставили насъ — просвѣтиться. Великіе Самодержцы Россіи постигали свое великое назначеніе относительно Державъ Европейскихъ; они предвидѣли, что имъ предлежитъ славный путь къ побѣдамъ и владычеству надъ народами, предвидѣли — и убѣдились въ необходимости — съ силою вещественною соединить силу ума и образованія. Такъ мыслилъ Великій Петръ и заставилъ насъ — учиться. Такъ мыслили Его безсмертные Преемники, и заставляли насъ — учиться. Такъ мыслитъ и теперь Надежда и Провидѣніе Россіи, возсѣдая на Престолѣ благоденствующаго Царства, и осыпаетъ насъ милостями, чтобъ мы — учились. — Но, и теперь, когда Русскіе довольно уже просвѣщены для того, дабы въ мирныхъ занятіяхъ Науками находить истинное наслажденіе жизни, мы не можемъ еще сказать, что просвѣщеніе сдѣлалось у насъ народною потребностью. Направ-

леніе данное оному, еще не измѣнилось, и, по краткости времени, не могло измѣниться. Еще и теперь, какъ прежде, оно сосредоточивается у насъ въ высшемъ классѣ общества; еще и теперь о немъ печется у насъ — Правительство; еще и теперь мы хотимъ быть просвѣщенными не рѣдко потому, что въ наше время, человѣку извѣстнаго назначенія, быть непросвѣщеннымъ — предосудительно. Кто лишь захочетъ вникнуть въ сіе важное обстоятельство, тотъ легко увидитъ, что такое направленіе учености неблагопріятно для самообразнаго развитія Литтературы: оно заставляетъ обращаться къ подражаніямъ, стоящимъ обыкновенно меньшаго труда, нежели произведенія самобытныя.

Симъ же самымъ обстоятельствомъ объясняется долговременное и исключительное господство Французской теоріи и практики въ Русской Литтературѣ.

Извѣстно, что царствованіе Людовика XIV было золотымъ вѣкомъ для языка Французскаго. Сей Монархъ, соединявшій

въ особѣ своей многія прекрасныя качества, обратилъ на Францію вниманіе всей Европы. Его славныя побѣды, его вліяніе на политику Державъ, блескъ и великолѣпіе Двора его — все привлекало взоры Европейцевъ на Людовика XIV — и, въ слѣдствіе того, все въ Европѣ подражало Французамъ. Языкъ ихъ сдѣлался дипломатическимъ и господствующимъ. Писатели осмнадцатаго столѣтія поддержали сіе господство — и Французская Литература почиталась образованнѣйшею изъ Европейскихъ. Но, на кого она могла имѣть сильнѣйшее вліяніе, какъ не на Русскихъ, которые болѣе всѣхъ другихъ народовъ имѣли надобность въ образцахъ для подражанія? Не должна ли она была совершенно восторжествовать шамъ, гдѣ занятіе Литературой почти исключительно ограничивается высшимъ классомъ общества, который, желая стать на ряду съ просвѣщенными Европейцами, естественно предпочиталъ Литературу, предпочтенную всѣмъ другимъ въ Европѣ?

Сообразимъ всѣ слѣдствія сего предпо-

чтенія: укоренившійся обычай поручать воспитаніе молодыхъ людей — Французамъ, оказываніе особеннаго предъ прочими иноземцами вниманія — Французамъ, подражаніе въ одеждѣ, обращеніи, даже въ домашнемъ быту — Французамъ, — и тогда подражаніе въ Литтературѣ — все же Французамъ — объясняется самымъ естественнымъ образомъ. Ибо Литтература всегда бываетъ живымъ отраженіемъ того, какъ мы мыслимъ, чувствуемъ и живемъ.

Впрочемъ, если станемъ разсматривать Русскую Словесность и безъ отношенія къ прямой подражательности иностраннымъ, то мы найдемъ, что все она въ бо́льшихъ находится затрудненіяхъ, нежели всякая другая. Всегда она будетъ казаться нѣкоторымъ подражаніемъ уже потому, что она является въ сферѣ Литтературъ послѣ всѣхъ прочихъ. — Міръ вещественный имѣетъ свои предѣлы; міръ идеальный, какъ бы мы ни воображали его себѣ, имѣетъ такъ же свои. Какъ скоро одна сфера изящнаго истощена уже до нѣкоторой степени; какъ скоро извѣ-

спныя формы онаго уже нѣсколько разъ совершили кругъ свой, и область красотъ идеальныхъ заняпа уже многими счастливцами: что́ въ такомъ случаѣ остается намъ, если мы вступаемъ въ область сію даже съ пламеннымъ стремленіемъ къ производительности? Что́ можемъ мы прибавить къ прекраснымъ плодамъ, возращеннымъ опытною и искусною рукою, — къ прелестнымъ цвѣтамъ, взлелеяннымъ во всей нѣгѣ и роскоши?

Скажутъ: геній не остановится на томъ, что́ сдѣлано его предшественниками; онъ, увлекаясь своею собственною стремительностію, оставитъ позади себя все, проложитъ себѣ путь новый, откроетъ сокровища изящнаго, дотолѣ неприкосновенныя, и пр. Все это справедливо, въ нѣкоторомъ смыслѣ; все это мы твердимъ и повторяемъ въ нашихъ теоріяхъ: но, теорія должна остаться до скончанія міра теорій, а практика — практикой, стремленіемъ къ осуществленію теоріи, болѣе или менѣе смѣлымъ, болѣе или менѣе удачнымъ. Геній въ явленіи совсѣмъ

не то, что геній въ идеѣ. Онъ не созидаетъ изъ ничего. Если же и творитъ, какъ мы выражаемся, то опять подъ безчисленными условіями. Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ то, чтобы онъ дѣйствовалъ на землѣ еще не воздѣланной. Въ противномъ случаѣ, и самому генію достанется въ удѣлъ подражаніе или посредственность. Послѣ того какъ Шекспиръ, такъ сказать, разсѣкъ на самыя малѣйшія частицы сердце человѣческое; послѣ того какъ онъ показалъ намъ человѣка во всей наготѣ, приблизивъ его съ одной стороны къ чистымъ жителямъ Небесъ, а съ другой, отбросивъ въ мрачное царство ада; послѣ того, какъ онъ вывелъ передъ нами на сцену всѣ состоянія и возрасты, всѣ полы и званія, страсти и нравы, добро и зло со всѣми степенями и оттѣнками оныхъ, и все — съ удивительною вѣрностію природы и возможно близкою общностію идеала: много ли можетъ самый геніяльный Драматургъ выиграть въ нашемъ мнѣніи, если онъ бросится на ту же самую стезю,

гдѣ Британскій Поэтъ уже показывалъ намъ все, достойное вниманія Философа и Поэта? Послѣ пѣвца Фелицы мы имѣли и имѣемъ Поэтовъ, обладающихъ дарованіемъ геніяльнымъ: почему же никто изъ нихъ не рѣшился слѣдовать тѣмъ же путемъ, какой проложилъ себѣ безсмертный Державинъ? Потому, что трудно и для самаго генія показывать себя съ выгодной стороны въ той сферѣ, гдѣ жилъ уже и дѣйствовалъ геній.

Но, если мы и больше предоставимъ силы и могущества геніямъ; если подвинемъ ихъ сколько можно ближе къ той возвышенной идеѣ, какую составляемъ себѣ о сихъ любимцахъ Неба: все мы не можемъ сдѣлать Литтературы тѣмъ, чѣмъ она еще не можетъ быть, по естественному ходу всѣхъ вещей въ мірѣ. Геніи суть явленія рѣдкія. Это огненные метеоры, быстро пролетающіе атмосферу среди ночнаго мрака и свѣтящіе страннику, потерявшему путь, или въ спокойномъ равнодушіи ожидающему разсвѣта. Тщетно иногда будутъ ждать сихъ геніевъ цѣлые

вѣки. Явятся они — благодареніе Небу: но, не всегда одни только они созидаютъ Литтературу. Большею частію она движется вѣредъ и созидается, такъ сказать, цѣлою массою народа. Если геніи освѣщаютъ путь, и нѣтъ, кому идти путемъ симъ, нѣтъ, кому дѣлить съ ними трудъ благородный, — много ли они сдѣлаютъ? Они полководцы, которые могутъ выигрывать сраженія только тогда, когда есть, кому сражаться подъ ихъ предводительствомъ: въ противномъ случаѣ, геніяльные планы ихъ, дальновидныя ихъ преднамѣренія, глубокомысленные чертежи — останутся безъ исполненія. — Геній не подвигаетъ времени. Не смотря на свою крылатость и быстроту, оно идетъ своимъ обыкновеннымъ, размѣреннымъ шагомъ, изъ мгновенія въ мгновеніе, изъ часу въ часъ, оставляя за собой годы и вѣки, и ни какая человѣческая дѣятельность не въ состояніи ускорить его хода. Счастливъ и самый геній, если оно беретъ его съ собой въ своемъ неудержимомъ движеніи, и творя и разрушая съ нимъ царства, предоставъ-

ляетъ ему запечатлѣвать памятниками труда замѣчательные слѣды свои. Если же и самому генію не суждено идти въ слѣдъ за вѣкомъ, и онъ отстраненъ отъ общаго къ какой либо цѣли движенія, — его существованіе сольется съ существованіемъ толпы, и свѣтильникъ души его погаснетъ отъ неимѣнія веществъ, питающихъ неугасимое пламя на алтарѣ Весты.

Сказаннаго доселѣ довольно для того, дабы согласиться всякому съ *обыкновеннымъ* мнѣніемъ, что Русская Литература основалась на подражаніи, и развивалась подъ вліяніемъ Литературъ иностранныхъ. Но, не смотря на очевидность сего мнѣнія, человѣку, разсматривающему вещи безпристрастно и основательно, здѣсь представляются сами собой многіе и весьма важные вопросы, а именно: до какой степени можно допускать этотъ упрекъ Русской Литературѣ, если онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ назваться упрекомъ? Опредѣлены ли до извѣстной степени всѣ возможныя отношенія Русской Словесности къ Словесности Всеобщей? Изслѣдовано ли,

; какіе именно элементы заимствованы Русской Литературой изъ Литературъ иностранныхъ? Не общіе ли они всѣмъ возможнымъ Литературамъ? Сколько въ нашей Словесности заимтаго и сколько своего? Подражательныя ли или самобытныя черты господствуютъ въ ней и образуютъ ея отличительную характеристику? Сколько въ другихъ Литературахъ, сравнительно съ нашей, заимтаго изъ Литературъ Древнихъ и Новыхъ, и т. п. Надобно согласиться, что одно только удовлетворительное рѣшеніе сихъ и подобныхъ вопросовъ можетъ составить истинную критическую Исторію Русской Словесности, и уполномочитъ всякаго рѣшительно произносить о ней судъ свой. Заключая же, по нѣкоторымъ *случайнымъ* и частнымъ явленіямъ, о цѣлой массѣ Словесности, можно впасть въ заблужденіе. Ибо, что справедливо въ частности, то не всегда бываетъ справедливо — въ цѣломъ.

Какъ бы то ни было, только и до сего всеобщаго суда, передъ который

когда либо должна будетъ предстать Русская Словесность, — жалобы однихъ на то, что Русскіе лишь подражали въ Литтературѣ, возгласы другихъ, что Русскіе совсѣмъ не имѣютъ Литтературы, и третьихъ, будто бы Русскіе и неспособны къ Литтературной производительности — должно относить къ мнѣніямъ страннымъ, не имѣющимъ *разумнаго* основанія.

Что Русскіе заняли Литтературные роды и формы — это справедливо; но это еще не есть собственно подражаніе. Роды и формы общи всѣмъ Литтературамъ на свѣтѣ. Французы, Нѣмцы, Англичане сами ли изобрѣли ихъ? Не заняли ль они ихъ, и вмѣстѣ съ ними, всѣхъ механическихъ пріемовъ, отъ Литтературъ Древнихъ? Ибо, какой родъ, какую форму Словесныхъ произведеній можемъ мы приписать изобрѣтенію новѣйшей Словесности? Ни какихъ — рѣшительно.

И такъ, поставлять Русскимъ въ вину принятіе *формъ*, еще не значитъ — уличать ихъ въ подражаніи. Что же касается

до *духа* произведеній Русской Словесности, то я не знаю, можно ли указать хотя на одного изъ *лучшихъ* и истинно Русскихъ Писателей, который бы мыслилъ, чувствовалъ и выражался какъ Нѣмецъ, Французъ, Англичанинъ?

Возьмемъ одинъ случай для примѣра; до какой степени справедливо и важно то, когда какому либо Русскому Писателю приписываютъ подражаніе Писателямъ иностраннымъ.

Ломоносовъ, говорятъ, заимствовалъ у Германскихъ Поэтовъ способъ стихосложенія, и въ первой своей Одѣ, написанной новымъ размѣромъ, подражалъ Гюнтеру. Спрашивается: можно ли назвать заимствованіемъ то, что заключалось уже въ сущности самаго образованія словъ Русскаго языка, — что ожидало только случая, ума и воли, дабы привлечь къ себѣ вниманіе людей мыслящихъ, и получить свое дальнѣйшее развитіе? У кого же занялъ этотъ способъ составлять стихи Тредьяковскій, который еще прежде Ломоносова говорилъ о хореяхъ, ямбахъ, и пр. Далѣе:

Ломоносовъ подражалъ Гюнтеру. Въ чемъ? Въ томъ, что написалъ первую Торжественную Оду по поводу прочитанной у Гюнтера, и написанной Нѣмецкимъ Поэтомъ на миръ Австрійцевъ съ Турками въ 1718 году? Если бы нашъ Лирикъ заимствовалъ изъ сего сочиненія кое-гдѣ мысль, образъ, выраженіе; то и этого еще, кажется, не льзя бы было назвать подражаніемъ, когда твореніе Ломоносова состоитъ изъ 28 строфъ, каждая въ 10 стиховъ? Между тѣмъ мы не находимъ и этого: въ Одѣ Ломоносова рѣшительно нѣтъ ни одного стиха, который бы можно было назвать заимствованнымъ изъ Оды Гюнтера. Да это и не могло быть, потому, что Ода Гюнтера написана совсѣмъ не въ такомъ *тонѣ*, какъ Ода Ломоносова. Притомъ, нашъ Лирикъ могъ знать и безъ Гюнтера, что есть форма Стихотвореній, въ которыхъ воспѣваются подвиги Царей и народовъ: ибо всѣ Литтературныя формы, безъ всякаго сомнѣнія, ему были извѣстны. — Въ чемъ же, теперь, подражалъ Гюнтеру Ломоносовъ? Въ томъ,

что отсчитывалъ для каждой строфы десять стиховъ, и размѣщалъ риѳмы въ такомъ порядкѣ, какъ у Нѣмецкаго Лирика. Это ли можно называть подражаніемъ? Какъ скоро стихотвореніе проникнуто однимъ господствующимъ чувствомъ, какъ скоро чувство сіе изливается прямо изъ души, приведенной въ восторженное расположеніе дѣйствительнымъ ощущеніемъ радости и восторга, то произведеніе сіе уже не есть подражаніе другому, если даже оно и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя внѣшности другаго. Приходить въ восторгъ изъ подражанія чужому восторгу — дѣло, совершенно неестественное. Лирическая Поэзія, по самому существу своему, не можетъ быть подражаніемъ, и пр. и пр.

Здравая, глубокомысленная критика можетъ принимать въ соображеніе весьма многія стороны труда, обвиняемаго въ подражаніи, и только она имѣетъ возможность предоставлять за геніемъ права, пѣ или другія. Если же будутъ говорить о подражательности, не рѣшивъ сперва и не разобравъ многостороннимъ образомъ;

въ чемъ именно состоитъ подражаніе въ Словесности, — въ чемъ, и сколько Русскій Писатель подражалъ иностранному, но не только въ Русской Литтературѣ, но и въ цѣломъ Литтературномъ мірѣ не найдутъ ни одного самобытнаго произведенія.

Показывая въ семъ примѣрѣ то, какимъ образомъ должно бы, какъ мнѣ кажется, разсматривать творенія нашихъ Писателей, и думая, что такое разсматриваніе послужило бы къ существенной пользѣ нашей Литтературы, назначило бы ей настоящую цѣну, а писателямъ Русскимъ предоставило честь, ими дѣйствительно заслуженную, — я не опвергаю, однакожъ, того обыкновеннаго мнѣнія, что въ Русской Словесности есть подражанія, заимствованія, передѣлки и пр. Все это справедливо. Но, справедливо и то, что не смотря на всѣ возможныя обстоятельства, располагавшія Русскую Литтературу къ подражаніямъ, она всегда имѣла и имѣетъ свои собственныя, незаимствованныя черты, рѣшительно усвоивающія ей названіе Лите-

тературы народной, и, слѣдовательно — оригинальной.

Въ самомъ дѣлѣ, не уже ли народъ Русскій, по мановенію Великаго Петра, такъ смѣло и славно вышедшій на сцену Европейскаго просвѣщенія, и, при всемъ неблагопріятствѣ обстоятельствъ, въ одно столѣтіе развернувшій такъ прекрасно свою многостороннюю геніяльность, — не уже ли народъ, въ эпоху всеобщей грозы человѣчеству, сильною своею рукой поддержавшій Европу отъ неизбѣжнаго паденія, — не могъ оставить слѣдовъ своего возвышеннаго героизма, своего врожденнаго великодушія, своихъ общественныхъ и семейственныхъ добродѣтелей — въ произведеніяхъ своей Литтературы? Не уже ли сей удивительный народъ одерживалъ побѣды, мирилъ и усмирялъ Царства, благоговѣлъ предъ Богомъ, возвеличившимъ его и прославившимъ, — любилъ и ненавидѣлъ, почиталъ и презиралъ, радовался и скорбѣлъ, восхищался красотами природы, сколь плѣнительной въ Сѣверной веснѣ, и сколь грозной въ буряхъ зимы угрюмой,

— и обо всемъ этомъ мыслилъ, все это чувствовалъ, не такъ какъ Русскій, а такъ, какъ другой какой народъ Европейскій? Не уже ли мы, занявъ отъ иноземцевъ *наружность*; внутренно не остались тѣми же самими, какими были, когда не занимали оной? Не уже ли душа, истинно Русская, не отразилась въ нашей Словесности?

Смѣю быть увѣреннымъ, говорилъ за тридцать предъ симъ лѣтъ человѣкъ, котораго почтенное имя уже изъ этихъ трехъ словъ узнаетъ читатель Русскій, *) — *что справедливое потомство — какъ бы оно вообще ни просвѣтилось, какъ бы ни возвысилось во сферѣ Искусства, ума, знаній — читая нѣкоторыя страницы, въ наше время написанныя, не признаетъ насъ варварами и скажетъ: въ вѣкъ Екатерины, въ вѣкъ Александра были въ Россіи таланты.* —

Черезъ тридцать лѣтъ, столь славныхъ въ Исторіи Россіи и Человѣчества, не можемъ ли мы повторить слова сіи еще съ большею смѣлостію и увѣренностію?

---

*) Вѣстн. Евр. 1803. Ч. X. Стр. 198.

Такъ, если для души, истинно Русской, Русская Словесность уже существовала: въ краснорѣчивыхъ изліяніяхъ сердецъ *Георгія*, *Платона*, *Анастасія;* въ возвышенномъ лиризмѣ *Ломоносова*, *Петрова*, *Державина*; въ патріотическомъ направленіи страстей, развитыхъ на Русской сценѣ *Сумароковымъ*, *Озеровымъ* и ихъ достойными сопрудниками на поприщѣ Мельпомены; — если и тогда она существовала въ прекрасныхъ, истинно Русскимъ духомъ проникнутыхъ, твореніяхъ *Хераскова*, *Дмитріева*, *Муравьева:* то, черезъ тридцать лѣтъ, не является ли она въ большемъ совершенствѣ и въ многообразнѣйшемъ развитіи? Послѣ того какъ она обогатилась трудами *Филаретовъ*, *Иннокентіевъ*, *Евгеніевъ*, трудами, по глубокомыслію, учености и краснорѣчію не уступающими ни сколько самымъ отличнымъ твореніямъ пновѣрныхъ Пастырей Церкви; послѣ того какъ Поэзія пріобрѣла творенія *Жуковскаго*, *Батюшкова*, *Пушкина;* какъ нашъ Вальтеръ-Скоттъ *Загоскинъ*, такъ славно и смѣло началъ рядъ

Писателей, романизирующихъ духъ и бытъ отечественный; какъ самая теорія языка и Словесности сдѣлала такіе блестящіе успѣхи; какъ Русскіе Литтераторы стоятъ уже на такой степени образованія, что, на основаніи независимой критики, могутъ цѣнить по достоинству творенія первостепенныхъ Писателей Европы: послѣ всего этого, не уже ли не можемъ мы сказать, что Русскіе имѣютъ Литтературу, которая, неся свой собственный отпечатокъ, имѣетъ всѣ права Литтературы образованной?

Можемъ!.. и можемъ твердо надѣяться, что духъ Русскій, господствовавшій доселѣ во всѣхъ явленіяхъ политической и умственной жизни нашего любезнаго Отечества, будетъ господствовать и во всѣхъ будущихъ поколѣніяхъ Русскихъ Писателей. За сію твердую надежду ручается наша собственная увѣренность въ томъ, что *Русскіе до тѣхъ поръ будутъ сильны, славны и истинно просвѣщенны, пока останутся — Русскими.*

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Духъ, въ коемъ развивается Литтература народовъ, въ источникѣ своемъ и въ главныхъ основаніяхъ — одинъ и тотъ же.

II. *Ломоносовъ* справедливо почитается отцемъ Россійскаго Краснорѣчія и Поэзіи.

III. Со времени Ломоносова Россійская Литтература развивалась въ духѣ истинно Русскомъ.

IV. *Державинъ* стоитъ на самой высшей степени Русской Лирики.

V. *Карамзину* принадлежитъ слава образователя изящнаго слога въ Русской Словесности.

VI. Романтическая практика въ Русской Литтературѣ составляетъ благородный шагъ къ совершенству.

VII. Подражаніе въ Литтературѣ для Русскихъ было неизбѣжно болѣе, нежели для другихъ народовъ.

VIII. Не смотря на всѣ возможныя обстоятельства, располагавшія Русскую Литтерашуру къ подражаніямъ, она всегда имѣла и имѣетъ свои собственныя, незаимствованныя черты, рѣшительно усвоивающія ей названіе Литтерашуры народной, и слѣдовашельно оригинальной.

2007042762